

ИДЕНТИЧНОСТНАЯ ПОЛИФОНИЯ И ДВОЙНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОЗЕ ИРВИНА УЭЛША

НАТАЛИЯ ГОНЧАР-ХАНДЖЯН*

Ереванский государственный университет

Современная художественная литература все больше опирается в выборе тем и построении сюжета на новейшие психологические открытия, в свою очередь, часто предвосхищенные литературными примерами. Яркой иллюстрацией такого литературного инсайта может служить прославленная повесть Стивенсона, заложившая основу нового литературного подхода к теме двойника и двойничества, выходящего за рамки чисто литературного примера. Образы Джекила и Хайда в литературе, построенной на антиномии двух или более персонажей-антагонистов, считаются архетипичными. Хотя сам Стивенсон находился под непосредственным воздействием Достоевского, в творчестве которого тема двойника – лейтмотивная, именно Стивенсон своей «Странной историей...» дал толчок к дальнейшему развитию феномена двойничества в современной литературе, как в целом мировой, так и национальной – шотландской. Ставшие уже иконическими, ипостаси стивенсоновских двойников нашли отражение в творчестве шотландцев Иэна Бэнкса («Мост», «Пособник»), Аластера Грея («Ланарк: жизнь в четырех книгах»), в целом ряде романов Ирвина Уэлша. Избирая традиционную для шотландской прозы со времен Стивенсона тему двойника в качестве базового концепта в своих текстах, Уэлш пропускает своих героев через инициацию диссоциативным расстройством, сублимируя в творчестве собственный прожитый и интегрированный опыт. В общем довольно обширном литературоведческом поле обращений к образцам трансгрессивной прозы научно-исследовательских работ, посвященных творчеству Уэлша немного, и связано это, полагаем, как со сложностью понимания его авторской концепции, многопластовостью композиции, так и с отталкивающими своей демонстративной агрессивностью сюжетами, их намеренно депрессивным содержанием, неприкрытой манифестацией табуированных тем в сочетании с обилием ненормативной лексики, а также с нарочитой скрытностью самого писателя, редко дающего интервью и избегающего прочих маркетинговых ходов для продвижения своих книг. Таким образом, попытка научного анализа текстов писателя, чье творчество представляет и литературный, и научно-психологический интерес, делает выбранную тему **актуальной**, а подход к изучению текстов Уэлша с позиции расщепления личности отвечает за **новизну** исследования. **Цель** статьи – представить двойнический дискурс в романах писателя охватом 1995-2016 гг.

Ключевые слова: *двойник, абьюз, расщепления личности, сублимация, трансгрессия, Уэли*

* **Наталья Гончар-Ханджян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ЕГУ

Նատալիա Գոնչար-Խանձյան – Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ

Natalie Gonchar-Khanjyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at YSU Chair of Foreign Literature

E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5462-8509>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Ստացվել է՝ 19.09.2024

Գրախոսվել է՝ 28.10.2024

Հաստատվել է՝ 06.11.2024

© The Author(s) 2024

Введение.

На сегодняшний день современное компаративное литературоведение, являющееся многоаспектной наукой, зачастую выходит за рамки чистого литературоведения. Процесс гибридизации является вспомогательным звеном во взаимосвязи с научным веянием времени, позволяющим решать актуальные проблемы современности, компилируя различные научные подходы и прибегая к методикам и инструментарию смежных дисциплин. Исходя из этого, нужно отметить тесную взаимосвязь литературоведения с другими дисциплинами, такими, как лингвистика, история, философия, эстетика, социология и психология. Анализируя взаимоотношения дисциплин, в данной статье особое внимание уделяется взаимосвязи художественной литературы с психологией, в частности, с проблематикой множественной личности, предвосхищенной, а затем и подхваченной литературой, дающей психическому расстройству свой прогноз и диагноз.

В литературной традиции неоднократно – от самых ее истоков – встречается тема двойничества как прием психологизма, и тема эта помогает понять внутренние мотивы поведения персонажей, всецело раскрыть образы и показать идейный замысел произведения. Двойник, или допсельгангер, выступает в литературных произведениях как alter-ego субъекта, зачастую являясь теневой, темной стороной его личности. В западной литературной традиции явление двойника, двойственное начало человеческой сущности имеет негативную, отрицательную коннотацию, выступает предвестником трагедии в судьбе героя. В частности, «В Шотландии это “fetch”, который является схватить (fetch) человека и привести его к гибели; есть также шотландское слово “wraith” для привидения, в котором, как полагают, человек перед смертью видит свой собственный облик»¹.

В свете последних социокультурных изменений и искажений веками устоявшихся ценностей усиливается интерес к проблеме свободы выбора, самовыражения, самореализации, а значит, к проблеме личностной идентичности, а само понятие личностной идентичности активно разрабатывается в современной западной психологии, имеющей целью помочь индивидууму преодолеть порой завуалированный дуализм, осознать и интегрировать свои скрытые сущности, сублимируя разрушительное начало в процессе созидательной деятельности. В качестве практического примера может выступать история литературного персонажа, создавая базу для применения работающих в данном контексте приемов и методов поведенческой психотерапии, таких как моделирование, десенсибилизация и др.

Тема двойника в литературе неразрывно связана с микрокосмом – человеческой душой, и, таким образом, своими истоками уходит в психологию – науку о душе, где различными методами, в том числе экспериментальными, углубленно изучается внутренний мир людей, который, по определению древних римлян, населен гениями добра и зла, и, соответственно, склонен при определенных жизненных предпосылках к диссоциации. К настоящему моменту диссоциативное расстройство идентичности – один из самых спорных диагнозов

¹ Хорхе Луис Борхес: Двойник. / Борхес Хорхе Луис. Собр. соч. в 4-х томах. СПб.: «Амфора», 2001, Том III, с. 154.

в науке и является сравнительно новым недугом в истории медицины: первые научные упоминания восходят к 1791 году, когда Э. Гмелин диагностирует феномен «меняющейся личности» у молодой немки, своей пациентки, а с конца XX - начала XXI расстройство множественной личности получает официальные подтверждения медицинского сообщества. Хрестоматийным примером считается случай пациентки докторов Дж. Брейера и З. Фрейда, некой Берты Паппенгейм, страдавшей, по мнению лечащих врачей, истерией. В восьмидесятые годы позапрошлого века, занимаясь лечением пациентки, Брейер разработал новый метод терапевтического воздействия, впоследствии получивший название катарсиса и заключающийся в «разрядке, отреагирование аффекта, ранее вытесненного в подсознание и ставшего причиной невротического конфликта»². Фрейд же, в свою очередь, этот случай подтолкнул на открытие явления трансфера (переноса), означающего «процесс развития у пациента аттитюдов и чувств к аналитику, коренящихся в прошлом опыте взаимоотношений пациента с родительскими фигурами»³. Совместная работа над указанным случаем привела к разрыву отношений между еще недавно тесно и плодотворно сотрудничавшими метрами психоанализа; сама же женщина, определенная диагностами как «истерическая личность», находилась попеременно в двух, кардинально противоположных, осознанных состояниях, внезапно сменявших друг друга, которые позднее получили определение диссоциативного расстройства. Данное заболевание в силу своей уникальности (от 1% до 3% среди всего населения планеты) и затрудненности диагностики вызывает по-прежнему самые противоречивые точки зрения в психиатрическом сообществе, но, несмотря на расхождения во мнениях относительно диагноза множественной личности, данное заболевание стремительно популяризировалось в науке, позже – и в литературе, со временем став неотъемлемой составной культурного дискурса как такового.

Основная часть. Полисубъектность и феномен двойника в романах Ирвина Уэлша.

Тема двойника восходит ещё к древним мифам и сказаниям, и в силу своей многогранной природы на протяжении многих столетий является одной из любимых тем поэтов, писателей, драматургов. Такие авторы, как Э.Т.А. Гофман, Г. фон Клейст, Э.А. По, Ф.М. Достоевский, Дж. Хогг, Ч. Диккенс, Д.Ш. Ле Фаню, О. Уайльд и др. неоднократно обращались к феномену двойничества, амбивалентности человеческой природы в своих произведениях. Уже в XIX веке к теме душевного «подполья» обратился и Р. Л. Стивенсон. Появившаяся в английской литературе XIX века как плод воображения (imagination) и озарения, прозрения (inspiration, insight) писателя Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» для аналитической психологии XX века стала хрестоматийным примером расщепления, диссоциации, «множественности» личности и как социальной характеристики вообще, и как психической болезни индивидуума, подвергшегося вирусу раздвоения. Еще в детстве писатель сам для себя обнаружил, можно сказать, был одержим этой темой, пытался найти ей

² Новейший психологический словарь. Под ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д.: «Феникс», 2005, с. 192.

³ Лоуренс Первин., Оливер Джон. Психология личности. М.: «Аспект Пресс», 2001, с. 192.

разрешение в своих ранних произведениях, но развил и довел до совершенства под влиянием Достоевского. Сновидческую повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», спровоцированную историей шотландского афериста Дикона Броуди, о котором на родине писателя ходили изустные рассказы, и чтением «Преступления и наказания» Достоевского, психотерапевт Н. Мак-Уильямс, автор работ по диссоциации личности, рекомендует своим пациентам и читателям в качестве яркой иллюстрации при постижении феномена множественной личности. Именно эта вещь Стивенсона определила тематические векторы и сюжетные коллизии современной шотландской литературы. Таким образом, тема душевного «подполья» и двойников, явившаяся у неоромантика Стивенсона в результате его последовательных размышлений над проблемой цельности сознания, развития содержательной и гармоничной личности, волевого и действенного характера, заложила основы новой литературной концептосферы, так сказать, «шотландскости» в литературе и стала проблемой, которая будет – с подачи Стивенсона – активно обсуждаться у его последователей. Фактически, Стивенсон создает долгосрочный в своем воздействии текст-матрицу с архетипическими образами, на которые опирается дальнейшая национальная литература, плодя так называемых «детей Стивенсона» (термин А. Брэйвуда). Среди них – известные шотландские писатели, чья популярность вышла далеко за пределы узко национального культурного поля, Аласдер Грей, Эллис Томпсон, Джеймс Робертсон, Джон Бернсайд, Иэн Бенкс, Фредерик Линдсей и, конечно, особо любимый русскоязычным читателем наш современник, представитель трансгрессивной прозы, продолжатель шотландской литературной традиции Ирвин Уэлш.

Надо отметить, что Уэлш не просто сюжетно и структурно прорабатывает тему дуализма, но часто досконально объясняет причины, послужившие толчком к диссоциации. У Уэлша тема двойничества – лейтмотивная в творчестве. Опираясь на биографию писателя, можно сказать, что зачастую в своих романах он сублимирует собственный опыт. *Певец химического поколения*, как нарекли Уэлша современники, поднимает в своих художественных произведениях, вдохновленных пережитым самим автором, глобальные проблемы, характерные для шотландского социума еще с начала 1960-х годов и по-прежнему остающиеся неразрешенными, несмотря на внешний флер благополучия и благопристойности. Проблемы эти получают свое идейное воплощение посредством сюжетообразующей темы двойника, магистральной в череде романов Уэлша, в первую очередь, таких как «Filtth», «Резьба по живому», «Сексуальная жизнь сиаемских близнецов», «Альковные секреты шеф-поваров» и др.

Введением в тему двойничества, которая у Уэлша, опираясь на достижения новейшей психиатрии, получает вполне научно-психологическое обоснование, становится его ранний роман «Кошмары аиста Марабу» (1995 г.). Важно отметить, что мотив двойничества в романе распространяется не только на персонажей, но и на образ Эдинбурга – родного города героя, и автора, контрастно поделенного на респектабельно-благопристойный и маргинальный, противопоставленный, в свою очередь, великолепной в своей первозданной близости к природе Африке, где проходит определяющий в инициальном отношении период отрочества героя. Мотив диктует и построение сложной и многоплановой композиции романа в

целом: читая роман, мы постоянно словно находимся в двух измерениях. Рой Стрэнг, герой-протагонист, допускающий читателя на все более глубокие уровни своего подсознания с его флешбэками и инсайтами, на протяжении всего романа находится в коме. События, о которых повествуется в книге, разделены на два совершенно разных, противопоставленных друг другу, мира. В первом мире, выдуманном самим же героем, Рой Стрэнг вместе с вымышленным другом-двойником Джеймисоном совершает экстремальное путешествие по опасным просторам Южной Африки, выслеживая аиста Марабу – птицу-каннибала, пожирающую прекрасных фламинго, и, по мнению Стрэнга, представляющего угрозу всей экосистеме ЮАР. Марабу выступает метафорой современного героя социума, который сам он сотрясал своими бесчинствами. В своих иллюзорных ведениях герой-коматозник скрывается от непереносимого чувства вины, подстерегающего и подавляющего его во втором – реальном мире, где криминальное прошлое, *отмазанное* на суде высокооплачиваемым адвокатом, не дает, тем не менее, покоя обремененной преступлениями совести. Анализируя реальные события, происходящие в жизни главного героя, можно увидеть, что с раннего детства он был угнетен бесчеловечным отношением и неоднократно подвергался насилию. Нестабильное социальное положение его семьи, которое приводило к повседневным скандалам, распутная жизнь матери, отношения с отцом, который будучи в нетрезвом состоянии, принуждал его драться с родным братом, бесконечные насмешки сверстников, – все это создает предпосылки к формированию диссоциативного расстройства⁴. Постоянные домогательства сексуального характера со стороны его дяди, которые детское сознание не в силах интегрировать и потому задвигает в тайники бессознательного, довершают картину детского абьюза героя. Все события, которые ему пришлось пережить в детстве, несомненно, повлияли на становлении его амбивалентной личности, и уже в более зрелом возрасте перед читателем предстает раздвоенный человек с огромным количеством комплексов и неуправляемой агрессией, побуждающей его к насилию. Подростком, желая внушать страх и трепет презиравшим его товарищам по школе, несовершеннолетний Стрэнг применил холодное оружие без

⁴ В расстройстве множественной личности, как правило, обязательным условием является наличие парциальной личности, обладающей автономностью и лишенной информации о второй (или нескольких) личности (личностях), иначе говоря, эго-состоянии или субличности (альтере). Индивид, таким образом, не всегда может осознавать наличие в нем парциальных личностей, так как они часто диаметрально противоположны другу, обладают собственными психофизиологическими и характерологическими особенностями, ведут автономное существование. Как правило, в основе данного нарушения лежит событие, травмирующее детскую психику или, как его называют в специальной литературе, детский абьюз. Это может быть как травма сексуальной направленности, физического насилия, единичная, чаще повторяющаяся, так и ряд вытесненных эпизодов с невыносимым для ребёнка контентом, чему примером могут служить разногласия в семье, сопряженные со скандалами и разводом родителей, с документальной достоверностью проиллюстрированном в культовом романе современного американского писателя Чака Паланика «Бойцовский клуб», с которым в творчестве Уэлша множество тематических перекличек. Вытесненная психологическая травма чревата возникновением *диффузии идентичности* (термин Э. Эриксона) и со временем, вероятно, начнет генерировать симптомообразование. Возвращение же, осознание и интеграция данной информации в результате психо- или самоанализа может способствовать предотвращению развития диссоциативного расстройства идентичности.

малейших угрызений совести. Со временем последовали нескончаемые драки, беспорядки и живодерство, и в итоге его озлобленность на мир всецело поглотила его, и, в конце концов, живущего двойной жизнью (футбольный хулиган, «махач», зачинщик беспорядков vs способный программист, примерный и высокооплачиваемый офисный сотрудник – гордость родителей) Роя Стрэнга трансформировала в циничного, жестокого и беспощадного абыюзера. Очередная безнаказанность за совершенное преступление – групповое изнасилование в особо жестокой форме – постепенно порождает в его душе тревожное чувство вины, с которым он впоследствии не смог справиться. Угнетенный и подавленный психически, главный герой стал замечать в себе до боли знакомые черты свирепой птички-каннибала – аиста Марабу, и именно это вынудило его на неудавшуюся попытку суицида, впоследствии которой он оказался в коме.

Надо отметить, что Уэлш не просто сюжетно и структурно прорабатывает тему дуализма, но досконально объясняет причины, послужившие толчком к диссоциации: в Рое Стренге изначально заложено то, что характеризует диссоциативных пациентов – богатое воображение, интеллектуальные способности, обаяние и кураж и что делает их привлекательными, при том, что сами диссоциированные личности часто это не сознают. «Вот в чем прикол, Рой, Рой Стрэнг, ты мне на самом деле нравился. Бред, да? Я искренне считала, что ты не такой, как все. Ты казался мне симпатичным. <...> Ты привлекал меня – тихий, спокойный, ты отличался от других: не такой самодовольный, задумчивый, глубокий. Ха-ха... Я думала, ты глубокий»⁵, – признается девушка, чью судьбу он искалечил, мстя за ее показное пренебрежение, гипертрофированное его большим воображением.

Причиной расщепления личности способного и одаренного мальчика, впоследствии преобразившегося в мстительного и жестокого монстра-извращенца, становятся как нездоровые отношения родителей, заставляющие его постоянно краснеть и испытывать подавляющую неловкость, так и детский абьюз – изнасилование, совершенные родным дядей. В потоке сознания лежащего в коме молодого человека наконец приходит трагическое понимание того, что когда-то в далекой Южной Африке с ним произошло, но что сознание ребенка намеренно игнорировало, подавляло и что обернулось расщеплением личности (1: 438). При диссоциативном расстройстве болезненные воспоминания бывают частично стерты или искажены, но у Роя они оживают через обращенный к нему монолог Кирсти, рассказывающей о совершенном им изнасиловании. «Я вижу отражение в зеркале, на меня смотрит Аист Марабу. Он напал на фламинго...вгрызается в него, рвет на куски, но фламинго все еще жив, я вижу его грустные глаза...» (1: 439). Осознав, что внушающая отвращение хищная птица – его собственное отражение, двойник, субличность, способная на предельную жестокость, герой Уэлша принимает как данность учиненную Кристи над ним расправу, «расправляет свои большие черные крылья» (1: 441) и в бессознательном мире умирает от фантомной пули, направленной в Аиста Марабу. Создавая и персонифицируя свой вымышленный мир, Рой Стрэнг хотел настигнуть и истребить самого себя, а

⁵ Ирвин Уэлш. Кошмары Аиста Марабу. М.: «Иностранка», 2020, с. 387. Далее ссылки на роман «Кошмары Аиста Марабу» в тексте под цифрой 1 с указанием страницы.

именно, ту порочную, темную сторону души, которую в реальной жизни он побороть не смог. Находясь в пороговом состоянии – между жизнью и смертью, сознанием и бессознательным, герой Уэлша отматывает киноленту своей жизни, постепенно выуживая загнанные в подсознания травматические эпизоды детства, переживает их заново, с мучительной интенсивностью проходя духовный путь покаяния и приятия, чтобы преодолеть диссоциативное расстройство и, будучи оскопленным собственной жертвой насилия, перед смертью испытать очистительный катарсис.

Наиболее известным романом, стилистически и сюжетно опирающемся на тему двойничества и отсылающим к диагнозу множественной личности, стал роман Уэлша «Filth» (1998 г.), по которому был снят в 2013-ом году одноименный фильм с Дж. МакЭвом в главной роли⁶. Обаятельный и беспринципный полицейский Брюс Робертсон, как и двойник безымянного героя Паланика Тайлер Дерден, поначалу несет в себе характеристики юнгианской мана-личности и, в то же время, обладает чертами трикстера – плута и обманщика. Качества трикстера подчеркиваются тем, что Брюс почти непрестанно что-то жует, не насыщаясь и сохраняя субтильное телосложение, чрезмерно склонен к плотским утехам, постоянно норовит стащить и присвоить чужое. Брюс бодрствует по ночам, принимает снотворное, чтоб заснуть, а ночью, переодевшись в наряды бывшей жены, сам того не подозревая, предается недозволенным удовольствиям. Размышляя о Кэрол, покинувшей и осиротившей его, Брюс говорит: «Я знаю, что она задумала. Она ведет очень, очень опасную игру и даже не понимает, во что влезла»⁷. В то же время наблюдаем полную интеграцию обеих ипостасей личности – мужской и женской: «Я – Робертсон. Я взяла фамилию мужа. Я принадлежу ему» (2). Именно субличность совершает ночное убийство, которое Брюсу поручено расследовать, и на протяжении всего романа он делает тщетные попытки найти убийцу, совершившего преступление, по всей видимости, на расовой почве. Следуя завету экзистенциального философа, утверждающего, что «нужно быть загадкой, и не только для других, но и для себя»⁸, автор, давая читателю неявные подсказки, своего персонажа держит в полном неведении о происходящем, когда «самый ужасный обман – тот, о котором обманутый даже не догадывается, оставаясь замороженным самой переменной одежды и декорацией»⁹. Причина расстройства, которая привела к расщеплению личности, не столь очевидна, как в

⁶ Уэлш, активно принимающий участие в экранизации своих книг и как сценарист, и как продюсер, и даже иногда снимаясь в эпизодических ролях, на вопрос журналиста о любимом фильме по его книгам ответил: «“Экстази” – полный отстой. Идея была крутая, но мы не уложились в бюджет, а от этого пострадала реализация. Для меня этот фильм – синоним упущенных возможностей. А любимый, безусловно, “Грязь”. Понятно, что “На игле” стал культовым феноменом и именно с ним меня ассоциируют в первую очередь. Но когда я увидел, как играет Джеймс МакЭвой, понял, что ничего круче не может быть» (Эдуард Голубев. «Я правда жил как “На игле”»: Ирвин Уэлш о молодости, зависимости и вечеринках. Афиша. 15 июля 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daili.afisha.ru/cinema/20323-ya-pravda-zhil-kak-v-romane-na-igle-irvin-welsh-o-molodosti-zawisimosti-i-vecherinkah/>).

⁷ Irvine Welsh, Filth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/510068075/Filth-Irvine-Welsh>. Далее ссылки на роман «Filth» в тексте под цифрой 2.

⁸ Серен Кьеркегор. Или-или. СПб.: «Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии», 2011, с. 50.

⁹ Серен Кьеркегор. Философские крохи или крупницы мудрости Йоханнеса Климакуса. М: «Институт Святого Фомы», 2009, с. 31.

«Кошмарах Аиста Марабу», но тоже достаточно проработана: жестокость человека, давшего Брюсу свою фамилию и считавшегося его отцом, постоянное психологическое давление на ребенка и непрестанная месть за изнасилование, некогда совершенное над матерью его биологическим отцом – серийным маньяком. Герой, он же личность-хозяин, обладает двумя субличностью: это подтачивающий его изнутри и определяющий его потребности, а вскоре и диктующий мысли ленточный червь, с одной стороны, и призрак бывшей жены, совершающий убийство, спровоцированное ревностью самого же Брюса к новому темнокожему избраннику Кэрол. Как и в случае с Джекилом и Хайдом, самоубийство героя является единственным выходом избавиться от наваждения и покончить со своими неконтролируемыми двойниками.

В романе «Альковные секреты шеф-поваров» (2006 г.) Уэлш изменяет вектор открытого реализма – документального воссоздания неприглядных будней литского¹⁰ андерграунда и прибегает к технике магического реализма, для трансляции лейтмотивной темы двойничества избрав в качестве отправного концепта «Странную историю ...» Стивенсона и «Портрет Дориана Грея» Уайльда. Не утруждая себя созданием научно соответствующей расщеплению личности биографии герою, а лишь пунктирно наметив мотив экзистенциальных поисков гипотетического отца, Уэлш опирается на базовые тексты, о чем есть прямое указание в самой книге. В дневниках покойного Кибби-старшего, вероятно, того самого отца, на поиски которого отправляется главный герой, находят «педантичные разборы прочитанных книг. Для Брайана это было откровением: он понятия не имел об отцовском увлечении литературой. Наиболее пространных отзывов удостоились “Портрет Дориана Грея” Оскара Уайльда и “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда” Роберта Луиса Стивенсона»¹¹. Иллюстрацией к внутренней раздвоенности служит как всегда у Уэлша *двойная пограничность*: с одной стороны, это – благопристойная часть города vs порт Лит («У каждого эдинбуржца есть свои соображения насчет того, где кончается город и начинается Порт-Лит» (3 :22)), с другой – дождливый Эдинбург vs солнечная Калифорния («Он думал о недалеком будущем, мысленно бродил по улицам Сан-Франциско, где тепло и солнечно, где прохожие улыбаются и пьют здоровьем, где даже на трезвую голову найдешь чем заняться. Эдинбург и в подметки не годится» (3:270)). Созданием демаркационных линий Уэлш кодирует топос, воссоздавая из романа в роман то же разграниченное пространство, а на уровень метатекста выводят отсылки к предыдущим книгам – через биографические переключки Дэнни Скиннер/Рой Стрэнг (оба – популярные фигуры среди футбольных болельщиков, провокаторы драк, завсегда таи баров и вечеринок с наркотиками, оба склонны к издевательствам над животными: см. страницы 29, 47, 69, 72, 171-173 и др.), Дэнни Скиннер/Брюс Робертсон (пьянство с последующим похмельем и, как следствие, потеря любимой женщины, состязание за должностное повышение, злоупотребление служебными полномочиями, постоянное соотнесение двойника-Брайана с червем: см. страницы

¹⁰ Лит (шотл. Leith или Lite) – северный портовый район Эдинбурга, где родился сам Уэлш и откуда родом большинство его персонажей.

¹¹ Ирвин Уэлш. Альковные секреты шеф-поваров. М.: «Иностранка», 2021, с. 190. Далее ссылки на роман «Альковные секреты шеф-поваров» в тексте под цифрой 3.

254, 263, 340, 359).

Интертекстуальные связи в романе прослеживаются как с влиятельным предтечей Уэлша Энтони Берджесом (ср.: *заводная цука, заводные походники/заводной апельсин*, группировка из четырех «бойцов», измывающихся над случайными встречными), так и с современниками – представителями трансгрессивной прозы Бретом Истоном Эллисом и Чаком Палаником, которых читает герой-антагонист Дэнни (3: 343). Но именно роман Уальда становится тем текстом-матрицей, на который нанизывается фантастический сюжет. Очередной уайльдовской аллюзией предстает в романе чердак – хранилище секретов, разоблачение которых приводит к гибели героя и торжеству вечной юности его двойника Брайана Кибби, до этого момента принимавшего на себя весь груз греховности ветреного и беззаботного Дэнни Скиннера, так и не сумевшего разгадать тайну своего рождения и кровного родства с ненавистным коллегой-двойником. Как Дориан Грей не мог находиться вдали от портрета и должен был постоянно видеть происходящие с ним перемены, так и Скиннер «признал горькую правду: ему не хватало Кибби, он тяжело переживал даже краткую разлуку и страстно желал наблюдать – постоянно, воочию, с угрюмым удовольствием – за метаморфозой своего врага» (3: 248). Пока его враг упивался «собственным бессмертием» (3: 250) на фоне упадка и разложения окружающих его людей, Брайан пытался разыграть сценарий Победителя дракона в виртуальном пространстве, выступая под никнеймом «Король крутизны» в соответствии с клиническим тезисом транзактного анализа: «Некто решил стать великим человеком. На его пути возникло множество препятствий. Но он, вместо того, чтобы тратить жизнь на борьбу с ними, старался их обходить, чтобы найти достойное себя поприще и стать великим человеком»¹². Пройдя инициационный путь умирания-возрождения, Брайан уничтожает своего антагониста Дэнни Скиннера, как портрет уничтожил Дориана, заимствуя его казавшуюся нетленной красоту: «Полиция немедленно прочесала район, но единственным человеком, пившим в одиночестве, оказался высокий стройный юноша, почти подросток. Он был свеж, румян и подтянут и выглядел по крайней мере на десять лет моложе описанного злоумышленника и несчастной жертвы, примерный возраст которой патологоанатомы впоследствии установили по обгоревшим останкам» (3: 442). Для Скиннера же за мгновения до перевоплощения «перекошенное в маниакальной ухмылке лицо Брайана» (3: 441) предстало тем самым *wraith*, в котором, по шотландским поверьям, человек узнает самого себя.

В девятом по счету романе Уэлша «Сексуальная жизнь сиамских близнецов» (2014 г.) действие развивается не в двух параллельных мирах-измерениях, а на фоне процветания американского курорта Майами, где, тем не менее, взращиваются и вызревают свои чудовища, порожденные притворством и погоней за успехом – главным *modus-ом operandi* американской действительности.

В романе «Сексуальная жизнь сиамских близнецов» уже в названии содержится отсылка к двойничеству. Еще одна жертва абьюза, подвергшаяся в подростковом возрасте жестокому групповому изнасилованию, а ныне преуспевающая фитнес-тренер Люси Бреннан находит свое зеркальное

¹² Эрик Берн. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: «ЭКСМО», 2008, с. 361.

отражение в талантливой художнице Лине Соренсон. Девушки-антагонисты, пройдя через истязания взаимной ненавистью, ролевые испытания (пленник-жертва/мучитель) и даже подменив друг друга внешне (худая Лина/жирная Люси), становятся неразделимым целым наподобие сиамских близнецов. Так и прошедшие свой мучительный путь неприятия и разобщения, близняшки Аннабель и Эми понимают, что их двойственный тандем нерушим, они обе – сознающие свою целостность и идентичность личности и готовы безоговорочно принимать друг друга: «Аннабель смотрит на Эми: – Лучше пусть Эми будет со мной всю жизнь, я не хочу терять ее ради какой-то якобы нормальной жизни»¹³.

Роман этот не входит в серию книг об эдинбургских наркоманах, в нем нет ни отсылок, ни параллелей с другими сюжетами и персонажами автора, часто кочующими из одной книги в другую и создающими метатекстуальную связь частей *глобального шотландского мифа по Уэлшу*. В присущей его идеологии грубой и саркастичной, трансгрессивной манере, с использованием ненормативной лексики, сленга, жаргонизмов Уэлш с презрением описывает, кроме всего прочего, повальную одержимость и поклонение сомнительным критериям совершенства, которые целиком и полностью навязаны ограниченным и жадным до внешних эффектов обществом. Примечательно, что герои романа – не привычные в концептосфере Уэлша маргиналы, чей двойнический дискурс задан обстоятельствами рождения и неблагополучным детством, а, наоборот, люди, на первый взгляд, без особых изъянов, материально обеспеченные, социально адекватные, стремящиеся к здоровому образу жизни и самореализации. Но стоит приглядеться, и оказывается, что за маской мнимого благополучия скрываются все те же несчастные, страдающие диффузией идентичности, диссоциированные и закомплексованные уэлшовские персонажи с покалеченными душами и страшными флешбэками из прошлого. Слегка подменив традиционные декорации, Уэлш остался верен своей авторской концепции, своему знаковому авторскому почерку, грязную подноготную своих персонажей подавая через обценную лексику и тем самым усиливая гнетущее ощущение безысходности и бесповоротного погружения в экзистенциальную лагуну.

Некоторые критики хвалили роман за смелость и готовность затрагивать сложные, пограничные темы, в частности акцентируя передачу образа сиамских близнецов не как природной аномалии – своеобразных уродцев, чья врожденная необычность сенсационна и щекочет нервы, а как сложной и многогранной личности, вернее, двух отдельных личностей-индивидов со своим характером, предпочтениями, физическим и душевным устройством. Роман изображает сложное взаимодействие между этими факторами и их влияние на поведение и отношения персонажей, не оставляя в стороне и философскую проблематику, а именно, самые волнительные вопросы человеческого бытия – свободу выбора и ответственности за него, индивидуализации и одиночества личности в мире людей, попытки осмысления и даже переосмысления жизни, духовного раскрепощения и др. Примечательно, что сам автор признает ментальную связь с женщинами-героинями книги: «"На игле" будет очень автобиографическим романом или что-то в этом роде. "Сексуальная жизнь сиамских близнецов" с

¹³ Ирвин Уэлш. Сексуальная жизнь сиамских близнецов. М.: «Иностранка», 2020, с. 418.

двумя гораздо более молодыми рассказчицами-американками была бы другой. Затем, когда моя жена прочитала это, она сказала: “Эти персонажи больше похожи на тебя, чем на любого другого персонажа, которого ты когда-либо писал в своей жизни”. Ты не осознаешь, насколько открываешься перед миром, когда пишешь»¹⁴.

Спустя почти два десятилетия после появления первой книги выходит очередной роман писателя – «Резьба по живому» (2016 г.), подтверждающий его неоспоримый талант и неизменное умение доказывать, что *литература является лучшим наркотиком*.

Базовой темой, отправной точкой в построении своего художественного текста Уэлш избирает по традиции двойническую тематику, диссоциацию личности, порожденную детской травмой, приведшей к расщеплению интернального микромира героя-протагониста и макромира – пространственного континуума, в котором герой пребывает на протяжении повествования. Среди фанатов писателя и ценителей его творчества, где за неприглядным фасадом, выстроенным из сочетания матерщины и насилия, скрывается зашифрованное послание экзистенциально-философского и психологического плана, книга способна вызвать особый интерес, поскольку является долгожданным продолжением, шестой частью цикла «На игле». Протагонист, он же антагонист романа – непредсказуемый, безбашенный, бескомпромиссный в своей безудержной агрессии уже знакомый читателю по предыдущим книгам Уэлша эдинбургский аутсайдер-маргинал, Фрэнк Бегби, после выхода из заключения и переезда в привлекательную и солнечную Америку перевоплотившийся в Джима Фрэнсиса – остепенившегося примерного семьянина и востребованного скульптора, зарабатывающего на человеческой страсти к разрушению серьезные деньги и реализовавшего пресловутую американскую мечту. Кажется, что диагноз ИЭР (интермиттирующее эксплозивное расстройство)¹⁵, отвечающий за непоборимую тягу к разрушению и изощренному насилию, направлен в созидательное русло и трансформировался в творчестве. Покинув родной Эдинбург, Бегби оставляет позади свое криминальное прошлое, отягощенное тяжелыми зависимостями и нескончаемыми бесчинствами. Положительная метаморфоза, которая произошла с героем под воздействием любви, оказывается шаткой и способной к дальнейшим жутким мутациям, свидетелем чего становится и его жена-психолог – мотиватор и посредник в позитивном преображении: «Она пыталась отыскать его – того мужчину, за которого вышла замуж, которого увезла с собой в Штаты. Но видит лишь шотландского уголовника по имени Фрэнсис Бегби, с которым познакомилась много лет назад» (4: 40).

Мотив двойственности в романе вновь прослеживается на структурном уровне. Двоемирие открывается читателю не только благодаря сюжетным линиям и образам персонажей, но и передается с помощью архитектоники построения текста в целом – курсивных вставок-воспоминаний, нелинейности повествования, метода нарезки, характерного для трансгрессивной прозы, хронопотной

¹⁴ **Энтони Каммингс**. Ирвин Уэлш: «Все становится сверхчувствительным» 20 октября 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liber.ru/translations/post/106408-irvin-uelsh-vse-stanovitsya-sverchchustvitelnym>).

¹⁵ **Ирвин Уэлш**. Резьба по живому. – М.: «Иностранка», 2019, с. 379. Далее ссылки на роман «Резьба по живому» в тексте под цифрой 4.

контаминации. Образ главного героя противоречив и дуален, ровно как мир, в котором он живет. В герое сосуществуют и уживаются две дивергентные субличности – добропорядочный гражданин США Джим Фрэнсис и его альтер-эго, *эдинбургский безумец* Франк Бегби: «У Джима вольготная жизнь, зато Фрэнк отжигает не по-детски» (4: 386). Традиционно раздвоено и пространство: беззаботная, солнечная и дарующая все блага жизни Калифорния vs мрачный, дождливый, криминальный Эдинбург. Парадокс состоит в том, что в каждом из этих миров, противоположных друг другу, есть еще два микромира, которые контрастно поделены на упорядоченно-благопристойный и окраинно-маргинальный, анархичный, что является у Уэлша, работающего на многопластовость и усложнение текста, характерным приемом. Можно выделить следующие знаковые признаки, иллюстрирующие и подчеркивающие идею двойственности в романе: два имени (Джим Фрэнсис/Франко Бегби), два языка (американский английский с его национально-маркированной лексикой/шотландский диалект), две семьи («Его собственные дети, Шон, Майкл и Ривер <...> не имели для него никакого значения. Как можно их сравнить с Евой и Грейс, родившимися от образованной матери в благоприятных обстоятельствах?» (4: 72)), два телефона (дорогой американский айфон/дешевый британский дивайс «Теско»).

Разбивка макромира на микромиры – суть отражение внутреннего мира героя. Тот же посыл заключает в себе и приватная зона, индивидуальный топос героя – мастерская, где намеренно *калечится* искусство, и, в то же время, создается почва для творческого самовыражения, ведь именно там, отгородившись от мира и следуя импульсам созидательной энергии, герой может сублимировать все свои отрицательные порывы, воплощая их в своеобразные «шедевры» – порождения большой фантазии.

Вынужденный покинуть *зону комфорта* и временно вернуться на родину, Бегби начинает мимикрировать, постепенно трансформируясь в себя прежнего, просыпается вдали от родной Шотландии жестко контролируемая «зависимость от насилия» (4: 39), открывается его хорошо замаскированная изнанка, спрятанная за наносным слоем внешних приличий, положенных в новой среде, где он состоялся как художник, муж и родитель, социально адекватный член общества. Вечно пьющий отец-дебошир, дядя – вечный собутыльник его отца, брат-абьюзер, наконец, дед – влиятельный игрок криминального мира, – вот те *призраки прошлого*, которые способствовали становлению личности злодея и преступника. Круговорот событий и встреч привел его к старым знакомым, а также свел с новыми людьми из мафии, и Бегби расправлялся со всеми, кто мог быть причастен к убийству его первенца-сына – событию, заставившему его вернуться в мир, с которым он, казалось бы, распрощался навсегда. Изошренные пытки, издевательства и убийства, спровоцированные, на первый взгляд, мстью за сына, на самом деле говорят о выходе из тени двойника – носителя порочного гена, который он сам унаследовал от деда Джока и передал своему младшему сыну-братоубийце. Обоснованные опасения Мелани-психолога в том, что «в параллельном нравственном мире все, что ты совершаешь, так или иначе оправданно» (4: 401) растворяются в желании Мелани-супруги принять на веру сделанное с *обезоруживающей искренностью* признание любимого человека: «и я хочу оттуда выбраться. Я над этим тужусь. Ради нас. Если ты веришь, что мы

вместе» (4: 401). Иллюзия внешней эмоциональной стабильности не может обмануть опытного диагноста, и «Мелани знает ответ, и он не однозначен» (4: 401), а переход героя в заключительной реплике романа на шотландский диалект знаменует очередное – *надатлантическое* – превращение Джима Фрэнсиса во Фрэнка Бегби. Толчком к очередному пробуждению подавленной субличности становится неожиданная встреча на борту самолета с когда-то предавшим его школьным приятелем Марком Рентоном. Финал книги оставляет читателя в интригующем ожидании заключительной части саги о четверке литских наркоманов, которым предстоит встретиться и свести старые счеты в сиквеле «Брюки мертвеца» (или «Джинсы мертвых торчков», 2018 г.), объединившем под солнечным калифорнийским небом персонажей декалогии «На игле», а заодно – в эпизодах – и героинь «Сиамских близнецов», чтобы дать затянувшейся на десятилетия истории типично голливудский happy end, основанный на простой и внятной концепции «жизнь на так уж плоха», а «искупление – это когда делаешь правильные вещи»¹⁶.

Роман «Резьба по живому» предваряется эпиграфом из Альберта Камю «Человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть» (4: 7), создавая тем самым предпосылку к сюжету, базирующемуся на теме двойника в литературном контексте и диссоциативного расстройства личности – в научно-психологическом.

Таким образом, введенная шотландцем Стивенсоном в национальный, а затем и общемировой литературный оборот тема двойничества не просто как литературного, а, скорее, научно-психологически обоснованного явления, получает у Ирвина Уэлша свое дальнейшее разрешение, интригуя читателя усложненной конструкцией художественного текста – в пандаме сюжета и становясь еще одним примером знакомства с расстройством множественной личности без соответствующего клинического опыта.

Заключение.

Общий дискурс текстов Уэлша основывается на стратегиях трансгрессивной прозы, которая может рассматриваться в контексте постмодернизма в отношении художественных приемов и формы и в контексте контркультуры в отношении своей темы и содержания. Трансгрессивная литература находится в фокусе как читательских, так и литературоведческих интересов, поскольку является попыткой осмысления социальных, культурных и мировоззренческих перемен, сопровождающих общество постмодернизма. Трансгрессия подразумевает выход за пределы установленных норм и границ, раскрытие табуированных тем, вызов общепринятой морали, социокультурным традициям и политическому статус-кво. Трансгрессивная литература, таким образом, формируется на почве проявляющих интерес с пограничным ситуациям (жизнь/смерть) и пограничным формам сознания постмодернистских течений и, в то же время, связана с феноменом контркультуры, в контексте которой нередко обозначается как трэш-литература, работающая на эпатаж и моментально откликающаяся на ревелации сегодняшнего

¹⁶ Ирвин Уэлш. Брюки мертвеца. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // [https://royallib.com > uels_h_irvin](https://royallib.com/uels_h_irvin).

дня. Однако, в отличие от трэш-литературы с ее сенсационно-хайповым характером, где насилие, непристойность и грязь являются ведущей сюжетной темой, в трансгрессивной литературе такие детали – лишь инструмент для развития сюжета и персонажей¹⁷. Если пионером в формировании зарождающихся традиций трансгрессивной прозы считается Берроуз, неоспорима и роль создателя «Заводного апельсина» Берджесса, то наследующий им Уэлш выводит «жест, обращенный на предел»¹⁸ на новый уровень, опираясь на последние открытия в научной психологии и современную социополитическую ситуацию с ее возможными перспективами.

Главной жанровой особенностью трансгрессивной литературы становится конфликт героя-аутсайдера с отвергающим его обществом потребления, которое своим неприятием мотивирует развитие Сверхчеловека (он же – юнгианская маналичность), и для достижения желаемого эффекта автор придает характеру героя амбивалентность и наделяет его диссоциативным расстройством. Трансгрессивная литература вступает в прямые переключки с трансгрессивной философией, опирающейся на теории М. Фуко, Дж. Батая, Ж. Делеза, и дает возможность читателю проникнуть в области, как правило, замалчиваемые и табуированные социумом. Читательское восприятие формируют лингвистические особенности текста, для которого характерны ритм и динамика повествования, что достигается за счет нарративности и нелинейности повествования, эллипсов, параллелизмов, как и за счет использования жаргонизмов и обценной лексики. Лаконичность, минимализм, динамизм повествования наряду с типично постмодернистскими приемами, такими, как гипертекстуальность и метатекстуальность, формируют уникальный авторский идеостиль Уэлша, узнаваемый, привлекающий и, одновременно, отталкивающий его читателя. С помощью жанрово-стилистических приемов Уэлш – в лучших образцах своей прозы – создает «текст в тексте», палимпсест, требующий при переводе концептуального анализа индивидуальных авторских приемов создания художественной прозы, оперирования лексическими и грамматическими трансформациями. Язык книг Уэлша, в котором качественный литературный английский авторского текста пересекается и контаминирует с эдинбургским диалектом речи персонажей, поддерживает заданную сюжетом тему двоемирия, но осложняет работу переводчиков, изыскивающим способы передачи жаргонной речи, намеренно коверкая собственный язык, а в случае с американским читателем собственно английский текст приходится снабжать специальным словарем, что стало традицией со времен выхода в свет первой нашумевшей книги «На игле». «Конечно, говор “лоулендеров” – усилиями прежде всего таких писателей, как Джеймс Кельман и Аластер Грей, – уже обрел в английской литературе права гражданства. Но Ирвин Уэлш идет дальше – он превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но

¹⁷ См. об этом: **Оксана Кубатченко**. Что скрывается за понятием «трансгрессивная литература»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://literator.org/sermon/chto-skrywaetsya-za-ponyatiem-transgressivnaya-literatura.html>.

¹⁸ **Мишель Фуко**. Мысль о Внешнем – Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru>library>articles>.

лежащую вообще за пределами буржуазной нормы»¹⁹

Сюжеты романов Уэлша, связанные общим – магистральным – замыслом передачи двойного дна интернального микромира героя на фоне дробления экстернального макромира (раздвоение города, раздвоение социума, *континентальное* раздвоение), соединены сквозными персонажами, кочующими из одной книги в другую, а в определенных случаях выступают прямым продолжением предыдущей истории. «Самодостаточные литературные пространства исчерпаемы – и это так обидно, потому что тщательно созданные писателями миры куда увлекательней, чем самое интересное, но единичное пространство»²⁰. Так, полицейский детектив романа «Filth» получает логическое продолжение в криминальном триллере «Преступление» (2008 г.), закрученном вокруг острой и щекотливой темы – педофилии, и завершается книгой «Длинные ножи» (2022 г.) с неизменным участием успешного коллеги-конкурента сержанта Робертсона шотландского детектива Рэя Леннокса, сложившись в триптих, построенный на идее двоемирия и двойственности бытия.

Если у Роя Стрэнга («Кошмары аиста Марабу») и Брюса Робертсона («Filth») можно однозначно диагностировать диссоциативное расстройство, жертвами детского абьюза являются подвергшаяся групповому изнасилованию Люси Бреннан («Сексуальная жизнь сиамских близнецов») и дислексик Фрэнк Бегби, травмированный в школе за речевой дефект («Резьба по живому»), то буллер-агрессор Дэни Скиннер и его виктим Брайан Кибби оказываются двумя противоположными ипостасями единого образа, а роман «Альковные секреты шеф-поваров», построенный по модели уайльдовской книги, представляет собой метафору раздвоения человеческого микрокосма, в котором классическое столкновение *идеала содомского* и *идеала Мадонны* (по Достоевскому) трансформируется в противостояние всего лишь двух inferнальных – *содомских* – начал.

И, в то же время, концепт двойничества служит у Уэлша для трансляции основной темы творчества, и «тема эта – воспитание чувств с целью обретения смысла существования; внимательный читатель сумеет почувствовать ее, несмотря на все пикантности изложения и демонстративную “чернуху”»²¹.

Литература

1. Берн Эрик. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: ЭКСМО, 2008. – 576 с.
2. Борхес Хорхе Луис. Собр. соч. в 4-х томах. СПб.: Амфора, 2001. Том III. – 655 с.
3. Голубев Эдуард. «Я правда жил как “На игле”»: Ирвин Уэлш о молодости, зависимости и вечеринках. Афиша. 15 июля 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daili.afisha.ru/cinema/20323-ya-pravda-zhil-kak-v-romane-na-igle-irvin-uelsh-o-molodosti-zawisimosti-i-vecherinkah/> (Дата обращения. 19.08.2024г.).

¹⁹ **Илья Кормильцев.** Ирвин Уэлш – Жан Жак Руссо химического поколения. «Иностранная литература», № 4, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media > ir...>

²⁰ **Михаил Калужский.** Справиться с непрухой: Ирвин Уэлш ставит точку в истории героев «На игле» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moskvichmag.ru/lyudi/spravitsya-s-nepruhoj-irvin-uelsh-stavit-tochku-v-istorii-geroev-na-igle/amp/>.

²¹ **Кормильцев ...** указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media > ir...>

4. Калужский Михаил. Справиться с непростой: Ирвин Уэлш ставит точку в истории героев «На игле». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moskvichmag.ru/lyudi/spravitsya-s-nepruhoj-irvin-uelsh-stavit-tochku-v-istorii-geroev-na-igl/amp/>. (Дата обращения. 19.08.2024г.).
5. Каммингс Энтони. Ирвин Уэлш: «Все становится сверхчувствительным» 20 октября 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liber.ru/translations/post/106408-irvin-uelsh-vse-stanovitsya-sverchchustvitelnym> (Дата обращения. 10.08.2024г.).
6. Кормильцев Илья. Ирвин Уэлш – Жан Жак Руссо химического поколения. Иностранная литература, N 4, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media > ir...> (Дата обращения. 15.08.2024г.).
7. Кубатченко О. Что скрывается за понятием «трансгрессивная литература»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://literator.org/sermon/chto-skrywaetsya-za-ponyatiem-transgressivnaya-literatura.html> (Дата обращения. 16.07.2024г.).
8. Кьеркегор Серен. Или-или. СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2011. – 823 с.
9. Кьеркегор Серен. Философские крохи или крупницы мудрости Йоханнеса Климакуса. М.: Институт Святого Фомы, 2009. – 192 с.
10. Новейший психологический словарь. Под ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 808 с.
11. Первин Л., Джон О. Психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001. – 607 с.
12. Уэлш Ирвин. Альковные секреты шеф-поваров. М.: Иностранка, 2021. – 448 с.
13. Уэлш Ирвин. Брюки мертвеца. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com > uelsh_irvin (Дата обращения. 20.08.2024г.).
14. Уэлш, Ирвин. Filth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litmir.me>> (Дата обращения. 20.07.2024г.).
15. Уэлш, Ирвин. Кошмары Аиста Марабу. М.: Иностранка, 2020. – 448 с.
16. Уэлш Ирвин. Резьба по живому. М.: Иностранка, 2019. – 416 с.
17. Уэлш, Ирвин. Сексуальная жизнь сиамских близнецов. М.: Иностранка, 2020. – 448 с.
18. Фуко Мишель. Мысль о Внешнем – Гуманитарный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru>library>articles> (Дата обращения. 10.08.2024г.).

References

1. Bern Erik. Igrы, v kotoryeigrayutlyudi. Lyudi, kotoryeigrayut v igry. [What Do You Say After You Say Hello?]. Moscow: EKSMO, 2008. – 576 p. (In Russ.)
2. Borkhes Khorkhe Luis. Sobr. soch. v 4-kh tomakh. SPb.: Amfora, 2001. Tom III. – 655 p. (In Russ.)
3. Golubev Eduard. «Ya Pravda zhil kak “Na igle”»: Irvin Uelsh o molodosti, zavisimostiivecherinkakh. [«I Really Lived Like "Trainspotting"»: Irvine Welsh on His Youth, Addiction and Partying]. Afisha. 15 iyulya 2021 // <https://daili.afisha.ru/cinema/20323-ya-pravda-zhil-kak-v-romane-na-igle-irvin-uelsh-o-molodosti-zawisimosti-i-vecherinkah/>. (In Russ.)
4. Kaluzhskiy Mikhail. Spravit'sya s neprukhoj [Dealing with Misfortune]: Irvin Uelsh stavit tochku v istorii geroev «Na igle» // <https://moskvichmag.ru/lyudi/spravitsya-s-nepruhoj-irvin-uelsh-stavit-tochku-v-istorii-geroev-na-igl/amp/>.
5. Kammings Entoni. Irvin Uelsh: «Vse stanovitsya sverkhchustvitelnym». [Irvine Welsh: «Everything is becoming hypersensitive»]. 20 oktyabrya 2022. // <https://www.liber.ru/translations/post/106408-irvin-uelsh-vse-stanovitsya-sverchchustvitelnym>. (In Russ.)
6. Kormil'tsev Il'ya. Irvin Uelsh – Zhan Zhak Russo khimicheskogo pokoleniya. [Irvine Welsh - Jean-Jacques Rousseau of the chemical generation]. Inostrannaya literatura, N 4,

- 1998 // <https://magazines.gorky.media> > ir...). (In Russ.)
7. Kubatchenko O. Chto skryvaetsya za ponyatiem «transgressivnaya literatura»? [What is hidden behind the concept of «transgressive literature»]// <http://literator.org/sermon/chto-skryvaetsya-za-ponyatiem-transgressivnaya-literatura.html>. (In Russ.)
8. K'erkegor Seren. Ili-ili. [Either/Or]. S-Pb.: Izdatel'stvo Russkoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii, 2011. – 823 p. (In Russ.)
9. K'erkegor Seren. Filosofskie krokhii ili krupitsy mudrosti Yokhannesa Klimakusa. [Philosophical Fragments/Johannes Climacus]. Moscow: Institut Svyatogo Fomy, 2009. – 192 p. (In Russ.)
10. Noveyshiyy psikhologicheskiy slovar'. [The Latest Psychological Dictionary]. Pod red. V.B. Shaparya. Rostov n/D.: Feniks, 2005. – 808 p. (In Russ.)
11. Pervin L., Dzhon O. Psikhologiya lichnosti. [Personality: Theory and Research]. Moscow: Aspekt Press, 2001. – 607 p. (In Russ.)
12. Uelsh Irvin. Al'kovnye sekrety shef-povarov. [The Bedroom Secrets of the Master Chefs]. Moscow: Inostranka, 2021. – 448 p. (In Russ.)
13. Uelsh, Irvin. Bruki mertveca. [Dead Men's Trousers]. // <https://royallib.com> > uelsh_irvin
14. Uelsh, Irvin. Der'mo. [Filth]. // <http://www.litmir.me> > (In Russ.)
15. Uelsh, Irvin. Koshmary Aista Marabu. [Marabou Stork Nightmares]. Moscow: «Inostranka», 2020. – 448 p. (In Russ.)
16. Uelsh Irvin. Rez'ba po zhivomu. [Blade artist]. Moscow: «Inostranka», 2019. – 416 p. (In Russ.)
17. Uelsh, Irvin. Seksual'naya zhizn' siamskikh bliznetsov. [The Sex Lives of Siamese Twins]. Moscow: Inostranka, 2020. – 448 p. (In Russ.)
18. Fuko Mishel'. Mysl' o Vneshnem. [La Pensée du dehors]. Gumanitarnyy portal / <https://gtmarket.ru> > library > articles. (In Russ.)

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՒԶԱՐ-ԽԱՆՁՅԱՆ – Ինքնության բազմաձայնությունը և երկակի դիսկուրսը Իրվին Ուելշի արձակում – Թեմաների ընտրության և սյուժեի կառուցման հարցում ժամանակակից գեղարվեստական գրականությունն ավելի շատ է հիմնվում հոգեբանական նորագույն բացահայտումների վրա, որոնք հաճախ կանխատեսվում են գրական օրինակներով: Որպես նման գրական ինսայթի վառ նմուշ կարող է ծառայել Մթիվենսոնի հայտնի վիպակը՝ «Դոկտոր Ջեքիլի և միսթր Հայդի տարօրինակ պատմությունը», որը հիմք դրեց կերպարի կրկնակի և երկակիության թեմային նոր գրական մոտեցմանը և դուրս է գալիս գրական օրինակի սահմաններից: Ջեքիլի և Հայդի կերպարները գրականության մեջ համարվում են արքետիպային: Մթիվենսոնի կրկնակների կերպարները իրենց արտացոլումն են գտել շոտլանդացի Իեն Բենքսի («Կամուրջ», «Հանցակից»), Ալասթեր Գրեյի («Լանարկ. կյանքը չորս գրքում») և Իրվին Ուելշի մի շարք վեպերում: Ընտրելով Մթիվենսոնի ժամանակներից ի վեր շոտլանդական արձակում կրկնակի ավանդական թեման որպես իր տեքստերի հիմնական կոնցեպտ՝ Ուելշը իր կերպարները անցկացնում է հակասոցիալական անձնային խանգարման միջով՝ սուբլիմացնելով ապրած և ինտեգրած փորձը իր ստեղծագործություններում: Տրանսգրեսիվ արձակը վերլուծող օրինակների ընդարձակ գրականագիտական դաշտում Ուելշի ստեղծագործությանը նվիրված գիտահետազոտական աշխատանքների սակավությունը պայմանավորված է ինչպես նրա հայեցակարգի ընկալման բարդությամբ, այնպես էլ կոմպոզիցիոն բազմաշերտ բնույթով և ցուցադրական ագրեսիվությամբ և միտումնավոր դեպրեսիվ բովանդակությամբ սյուժեներով, արգելված թեմաների բացահայտ դրսևոր-

մամբ՝ զուգորդված ոչ նորմատիվ բառապաշարով: Դրա պատճառը նաև գրողի միտումնավոր գաղտնապահությունն է. նա հազվադեպ է հարցազրույցներ տալիս և խուսափում է իր գրքերը գովազդելուց:

Հոդվածի նպատակն է ներկայացնել երկակի դիսկուրսը Ուելշի վեպերում (1995-2016 թթ.): Հետազոտության նորույթը կերպարների բացահայտումն է անձի երկփեղկվածության տեսանկյունից:

Բանալի բառեր – *կերպարի կրկնակ, բռնարարք, անձի երկփեղկվածություն, սուբլիմացիա, օրինազանցություն, Իրվին Ուելշ*

NATALIE GONCHAR-KHANJYAN – *Identity Polyphony and Dual Discourse in the Prose of Irvine Welsh.* – Contemporary fiction increasingly relies on the latest psychological discoveries in its choice of themes and plot construction, which in turn are often anticipated by literary examples. A striking illustration of such literary insight is Stevenson's famous story, which laid the foundation for a new literary approach to the theme of the double and doppelganger, going beyond the purely literary example. The images of Jekyll and Hyde in literature built on the antinomy of two or more antagonist characters are considered archetypal. Although Stevenson himself was directly influenced by Dostoevsky, in whose work the theme of the double is a leitmotif, it was Stevenson who, with his *Strange Case...*, gave impetus to the further development of the phenomenon of the doppelganger in contemporary literature, both globally and nationally – within Scottish literature. Having already become iconic, the hypostases of Stevenson's doubles are reflected in the works of Scotsmen Iain Banks («The Bridge», «Complicity»), Alasdair Gray («Lanark: A Life in Four Books»), and in a number of novels by Irvine Welsh. Welsh chooses the theme of the double, traditional in Scottish prose since Stevenson's time, as a central concept in his texts, passing his characters through the initiation of dissociative disorder and sublimating his own lived and integrated experiences into his writing. In the broad field of literary criticism, references to Welsh's texts are rare compared to other examples of transgressive prose. Probably this is due to the difficulty of understanding his author's concept, the multi-layered composition, as well as the plots that are repulsive in their demonstrative aggressiveness, their deliberately depressive content, the overt manifestation of taboo topics combined with an abundance of obscene language, as well as the deliberate secrecy of the writer himself, who rarely gives interviews and avoids other marketing moves to promote his books. Thus, an attempt to conduct a scientific analysis of the texts of a writer whose work is of both literary and psychological interest makes this topic relevant, and the approach to studying Welsh's texts through the lens of split personality contributes to the novelty of the research. The purpose of the article is to present the dual discourse in the writer's novels covering the period from 1995 to 2016.

Key words: *double, abuse, of split personality, sublimation, transgression, Welsh*